

Мне рассказали: когда Президент нашей страны был в Японии, на встрече в честь высокого гостя японские дети исполняли песню «Журавли». Я сам слышал ее лет пятнадцать тому назад — ее исполнял хор «Поющие голоса Японии» в кинотеатре «Россия» в Москве. Эта песня родилась у меня в 1965 году в городе Хиросиме. О трагедии этого города написано много. Я тоже возложил венок своих горестных стихов у памятника жертвам большой беды века: писал поэму «Колокол Хиросимы», который ежедневно звонит о погибших, писал о роле Хиросимы, чьи горестные молчаливые клавиши играли во мне страшную музыку человеческой трагедии, писал о хиросимских часах, которые навечно остановились утром, в 8 часов 15 минут в августе сорок пятого года, и другие. Но песня «Белые журавли» стоит особняком. Она больше, чем стихи, она стала жизненным явлением, если не событием. А в наши дни приобретает новое звучание, значение и назначение.

Мы часто являемся приверженцами грандиозного и масштабного, призывного и лозунгового, мы приверженцы восторгов, а не раздумий. Даже смерть, трагедию мы делаем оптимистичными, устремленными к «светлому» будущему. В годы моей учебы в Москве в Литинституте я в раздумье смотрел на памятник автору «Мертвых душ» и «Ревизора» в окружении своих персонажей. А потом появился другой, новый, «вперед» устремленный митинговый Гоголь. А Пушкин на Тверском бульваре — все очень привыкли к нему, у каждого он был свой. Но почему-то ему организовали «новоселье», как будто ему лучше на площади ближе к газете «Известия». Машины, автобусы преградили мне к нему путь, и митинговый шум не дает мне его слушать и редко удается ему сказать: «Здравствуй, Пушкин!».

Наши конкурсы на лучшие эскизы к памятнику Победы, как и конкурсы на лучшие гимны и гербы, не дают результатов, ибо искусство — это естество, это не парад, а уединение. Оно как любовь. В любви, в печали соревнования не бывает. У нас памятник всем героям на бронзовых коньках, как будто готовится к скачкам. Мы привыкли видеть памятники известным деятелям, вождам, царям, полководцам, которые для одних являлись освободителями, для других — оккупантами. Например, генерал Скобелев для Болгарии освободитель, для Средней Азии — захватчик. Генерал Ермолов для одних — герой Отечественной войны 1812 года, а для Чечни и Дагестана — человек, который сказал: «Я не успокоюсь, пока последнее чучело горца не увижу в Ставропольском музее». На высокогорном Гунибе на камне начертано слово: «На сей камень восседал князь фельдмаршал Барятинский, принимавший пленного Шамиля». Когда я был там вместе с Александром Трифоновичем Твардовским, он спросил, где же памятник Шамилю. Такого памятника вопреки памяти народа на его родине не было.

Думаю, памятники, так же как песни, так же как праздники, должны не разъединять людей, а объединять. Такие памятники я видел во многих городах мира. Меня не меньше растрогает памятник безымянным матерям, чем памятник безымянным солдатам, я видел их особенно часто в горах Латинской Америки, где ежегодно отмечают День Матери. С предположением такой праздник отмечать у нас я выступал и в «Комсомольской правде», и в «Правде». Обращался в Комитет советских женщин с просьбой проявить инициативу в этом благородном деле. Выразил готовность содействовать этому. Но, увы, комитет не ответил мне. Между тем добрый праздник Матери по своей инициативе проводят в некоторых республиках. А надо было объявить всесоюзный День Матери и создать памятник, где сыновья и деды, солдаты и поэты могли бы цветы возлагать.

Увидев в Хиросиме проект памятника простой японской девушке с журавлем на руках, узнав о ее истории, я испытал глубокое волнение, которое превратилось потом в стихи.

Они были написаны еще до «Белых журавлей». Последние родились позже, но в Хиросиме. Дело в том, что в трауре японки носят белое одеяние, а не черное, как у нас. Это было впечатляюще: тысячи и тысячи женщин в белой одежде у памятника девочке с белым журавлем. В госпитале она должна была вырезать их из бумаги — тысячи штук — в надежде на выздоровление, выживание, но, не успев вырезать, скончалась. Случилось так, что, когда я стоял в этой толпе в центре человеческого горя, в небе появились вдруг настоящие журавли. Говорили, что они прилетели из Сибири, их стая была небольшая, в этой стае я заметил малый промежуток. Журавли с нашей родины в японском небе, откуда в августе 45-го американцы бросили атомную бомбу!

Надо же было, как раз в это время мне

вручают телеграмму из нашего посольства в Японии, где сообщают о кончине моей бедной матери. Через день я вылетел из Японии через Пакистан. Из Карачи меня провожал мой давний друг поэт Фаиз Ахмед Фаиз, и на всей воздушной трассе я думал о журавлях, о женщинах в белом одеянии, о маме, о моих погибших двух братьях, о девятистах тысячах погибших дагестанцев, о двадцати миллионах (а теперь выяснилось, что их было двадцать семь миллионов) не вернувшихся с войны, о маленькой кукле погибшей девочки Освенцима, о которой писал Десанка Максимович. Я думал о своих поэтах. О многом думал, но мысли всегда возвращались к белым журавлям. Раньше мне не приходилось писать о журавлях. Хотя еще в детстве с плоской крыши своей сакли я следил за их полетом, и их крики будоражили меня.

Но моими любимыми птицами были горные орлы и голуби. О них я писал неоднократно.

Но в этот раз меня звали журавли, и я написал несколько вариантов. Вначале я не думал и не предполагал, что это стихотворение станет песней, и не предвидел, как она отзовется в сердцах людей и сколько новых знакомых друзей она мне приведет. Мой друг Наум Гребнев превосходно перевел его на русский язык. Он был не просто переводчиком, а почти как бы соавтором

его душа. Он был в этом отношении незаменимый.

Мне повезло с композитором Яном Френкелем. Именно к нему обратился Марк Бернес с просьбой написать музыку на эти слова. И он, солдат и музыкант, прошедший всю войну, это сделал великолепно. Это была не столько удача композитора, а победа таланта, безошибочная точность восприятия и воспроизводства движения души. Эта молитвенная песня послужила причиной нашей бесконечной дружбы. Он бывал с этой песней у меня в Дагестане, во многих саклях горцев, эта песня нас вместе провела по мнгоим дорогам Родины и европейских стран. Но он скончался, не допев до конца любимую песню. Но его мелодия и слова, обращенные к нему, остались с нами. Песня не умирает. Ее пели и поют.

У «Журавлей» особая судьба. По мотивам песни сняты картины, воздвигнуты памятники. Их десятки и в русских городах, и на Украине, и в Узбекистане, и на Алтае, в горах Кавказа и в аулах Дагестана. У подножия памятников горят вечные огни — сердца павших, а на самой вершине клина журавлиного — душа павших. Ежегодно 22 июня, в день начала войны, или 9 мая, в День Победы, или 6 августа, в день атомной катастрофы Хиросимы, люди собираются почтить память погибших. Но главное даже не в этом — песни, как люди, как

ский деятель, озабоченный сохранением памяти погибших. И рассказал о своей затее — издать на основных языках мира книгу лучших стихов, посвященных памяти погибших на войне. Он попросил моего согласия включить туда песенный текст «Журавлей». Я согласился и был уверен, что так и будет. Увы, оказалось, что песня не включена в книгу. А о судьбе самой книги я узнал: нашлись товарищи, которые протестовали против напечатания в ней «Журавлей» рядом с произведениями, посвященными немецким солдатам, погибшим на Восточном фронте. Они считали, нельзя напечатать один и тот же поэтический некролог оккупантам и защитникам. Не скрою, тогда я к этому относился с пониманием и думал, что моим двум братьям и их убийцам неуместно быть в одном ряду. Потом, когда я был в Вене, с удивлением смотрел, что матросы с нашего корабля возлагают венки цветов на могилу морских офицеров Австрии, которые воевали против нас в Германии, я видел, как в бывшей Западной Германии обихаживают могилы наших воинов — так же, как и своих. Но все равно мне было вначале не по душе, когда американский президент Рейган, будучи в Германии, возлагал цветы на могилы немецких солдат, принесших столько бед и горя моей Родине. Но потом я понял: они, тоже молодые люди, явились жертвами обмана

этим не добавляли, кроме зла. Я это знаю как горец, где веками существовал закон мести. Но нет более святого закона, чем закон дружбы. К этому зовут сегодня и белые журавли. Они говорят нам не о бдительности, не о капиталистическом окружении, не о всевозможных происках врагов. Они говорят: люди, мы вас любим, будьте добрыми. Когда бывают добрыми, нет необходимости быть бдительными. От бдительности, от недоверия друг к другу мы и так много страдали на нашей земле. Не месть, а всеобщее прощение друг друга спасет нас, взаимовыручка поможет нам развязать кровавые узлы.

Как-то у меня в ауле был немецкий писатель Г. Хефлинг, который наряду с другими книгами писал роман о моем знаменитом земляке Шамиле. В нашей сакле его встретила хозяйка дома, вдова моего погибшего брата Магомеда Хузу — не в праздничном наряде, а в траурном одеянии, которое она носит уже сорок семь лет, с двадцатилетнего возраста. Господин Хефлинг поклонился ей, попросил у нее прощения и заодно у нас. Мне рассказывали друзья-поэты из Минска, что ежегодно из Германии приезжают бывшие солдаты вермахта и возлагают цветы у памятников сожженным белорусским деревьям, молятся, просят прощения у погибших: мол, мы были молоды и жестоко обмануты. Немцы возлагают сей-

ЗОВ БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Автор размышляет о судьбе песни, о судьбах людей и народов

его. Оно было мне ближе всех других стихов. Ибо он сам — израненный воин, потерявший на войне много близких, друзей. Оно стало для него собственной болью. Он говорил: это стих обо мне и о моих друзьях. Теперь я горюю о нем: он сам стал в журавлиной стае. Я много слышал, слушал неповторимого Бернеса. Однажды он звонит мне из Москвы в Махачкалу. Бернес поет мои «Журавли». Я растерялся и не мог в ответ ничего сказать. Песня была выше моих одобрений. Тогда Бернес сказал главное: «Расул, ты не будешь против, если слово «джигиты» заменить словом «солдаты»?»

Мне показалось, что слово «джигиты» дает стихотворению национальную окраску. Но тут я понял, что этим я принизил общечеловеческую струну. И одним словом «солдаты» приобрел очень многое. Песня стала не столько дагестанской, кавказской, сколько русской, советской, общечеловеческой. Бернес попросил меня сократить несколько строк этого стиха для песенного варианта. Мне жалко было некоторых из них. Но Бернес доказал мне их «архитектурные излишества». Он сказал: слабые строфы каждый может сокращать, но настоящий поэт ради цельности произведения пойдет на сокращение и хороших строф. Я пошел на это. И оставил песенный текст стихотворения, хотя в некоторых изданиях его печатают полностью. А песня — она стала гимном памяти погибших. Ей повезло, что первым исполнителем ее был Марк Бернес. Но не повезло, что он был тяжело болен. И скоро, когда его хоронили, согласно его завещанию, при его кремации пели эту песню. Заслуги Бернеса в создании этой песни настолько значительны, что меня многие друзья-поэты попросили посвятить «Белые журавли» памяти Бернеса.

Я немного сомневался, но согласился, и стали исполнять песню по Всеоюзному радио с посвящением Марку Бернесу. Но оказалось, не зря я сомневался. Стало в мой адрес поступать много писем. Считаю, что эта песня о миллионах погибших солдат, авторы находили несправедливым посвящать ее памяти одного человека, даже если он очень заслуженный и близкий. «Эта песня теперь не столько твоя, сколько наша общая, она — явление не столько поэтическое, сколько жизненное» — так писали мне многие люди. Также же письма поступали и в редакцию. «По этому вопросу надо советоваться и с павшими, и с живыми», и «Было бы странно, если бы свои строки «Враги сожгли родную хату» Исаковский посвятил композитору или певцу». «Как можно песню «День Победы», или стихи «Я убит под Ржевом», или же «Его зарыли в шар земной» адресовать отдельному человеку, если даже он гений. И сам Бернес не согласился бы с этим», — говорилось в письмах. В дальнейшем песню стали исполнять без посвящения. Исполняли ее все лучшие певцы страны, да и многие за рубежом. Но никто не исполнял ее лучше Бернеса. Как ни у кого работала

и журавли, уходят и приходят. А эти, «Журавли», одних провожают, других встречают. Они не ищут теплые края. Они не портятся даже от повторения. А многие, кто не поет, в душе их сохранили как молитву.

Это «поняли» некоторые старые большевики, которые писали письма в ЦК партии и ко мне, чтобы эту песню запретили, что ею могут воспользоваться религиозные деятели в церквях и в мечетях и так просто в жизни. Должен сказать, даже в те годы застоя этой песне не было застоя. Несмотря на недовольство ортодоксов, Брежнев сказал: «Можно исполнять. Но не часто». А мне и не нужно, чтобы ее часто и не к месту исполняли и под ее пение в ресторанах танцевали. Я многое дал бы, чтобы этого не сделали. Но на это я не имею власти. Я уже не хозяин этой песни, а только автор стиха. Кроме того, мои «Журавли» вовсе не относятся к какой-нибудь партии, течению, группе, союзу. Мы и так со своими требованиями партийности снизили, сократили и опошили высоту, дальность и вечность живой души поэзии. «Журавли» мои не относятся к какой-нибудь отдельной религии, отдельной нации, отдельному поколению, к каким-то одним временам, системам, сословиям. В то же время они не отрицают, а утверждают человека всех наций, всех религий, всех поколений, всех времен. Не скажу, что я все это имел в виду, когда писал слова этой песни. Наоборот, они имели конкретный адрес: миллионам людей павших, не вернувшихся с полей нашей Отечественной войны. Это я и сейчас не отрицаю а утверждаю. В то же время опыт годов и перемены, прошедшие после этой песни, расширили ее пространство, заставляли находить и думать о новых адресатах своего поэтического послания.

Дело в том, что несколько лет назад я получил необыкновенный пакет от американских детей. В пакете были тысячи бумажных журавлей, которых не успела вырезать японская девушка. Дети Америки выразили надежду на выздоровление нашего большого мира, большого века. Письмо американских детей и мой ответ были напечатаны в газете. Эти бумажные журавли во мне разбудили много добрых чувств. Я подумал о остроте дружбы во время встречи на Эльбе наших и американских солдат, о рукопожатиях на полях войны людей разных наций, языков, религий, о жертвах, принесенных ради жизни на земле солдатами, и особенно молодыми, всех стран Америки, Европы, Азии. Я подумал, ведь они тоже мои журавли — они все зовут нас, живущих на Земле, к миру и братству, ведь мы все божи дети. Да, мы, разноплеменные народы, гораздо скорее нашли бы понимание друг друга, если бы слушали павших. А павшие не молчат. Они каждого из нас зовут журавлиным криком.

К этой мысли с некоторым запозданием я пришел по тропинкам сомнений. Однажды из Вены ко мне приехал один австрий-

и лжи. Их жизни, предназначенные для благородных дел, для любви и доброты, осквернили, им внушали озлобленность и ненависть к таким, как они, жителям Земли. Им внушали ненависть к другому языку, другим песням, другой музыке.

И мне показалось, мой журавлиный клик зовет нас не мстить, а простить. Ведь их матери тоже в трауре. За счет сокращения жизни одних продлить жизни другим нельзя. Поэтому я теперь сожалею, что не решился напечатать в одной книге наряду с «Журавлями» стихи, посвященные немецким солдатам — жертвам кровавой войны. Границу страны и земли мы защищали. Теперь надо защищать границу мира и доброты от колонизированных голов и от механизированных душ ортодоксов. Не мешало бы нам издать книгу стихов памяти павших воинов всех стран, всех времен, всех религий, всех наций. Этим образом ревимом мы сделали бы доброе дело. Все лучшие поэты писали об этом. Надеюсь, и «Белым журавлям» тогда найдется там место.

Допускаю возражения по этому поводу. «Где же ваш патриотизм, чувство Родины, обиды за поруганную землю, за сожженный дом? Неужели это проходит бесследно. Что же стало со словами «Никто не забыт, ничто не забыто». Ведь журавлиный полет, их раздирающий душу крик поэты всегда связывали со встречей и с расставанием с родным краем, с болью за Родину и тоской по ней. Отдавая дань своим бывшим противникам, и порою сегодняшним сомнительным друзьям, не ущемляем ли мы честь и славу своих сограждан, своих героических предков и, в конечном счете, своей Родины и т. д. и т. п.». Такие вопросы возникают и возникли во мне. Я часто спрашивал себя: не смешивается ли клик журавлиной стаи со стаяй черных воронов. Как будет сочетаться крик первых с карканьем вторых. Да, это верно, вороны никогда не будут белыми и они не станут курлыкать. Но если мы людей, особенно погибших, ушедших будем делить одних на воронов, других на журавлей, одних на воробьев, других на орлов (это мы достаточно много и долго делаем), если каждый увидит мир между рогами своих быков, тогда никогда на нашей хрупкой планете мира, понимания, не говоря уже о любви между людьми, не будет.

Каждый привязан к своему дому и своему полю. Но если при этом мы будем ущемлять другой дом, другой образ жизни, тем более создавать из других подобных нам образ врага, как мы многие годы делали, — это отнюдь не патриотизм в высшем смысле этого слова. Любя свою Родину, я преклоняюсь перед гениями Запада и Востока. К чему мне собственная гордость, она даже унижательна, если она изолирована и не подкреплена добрыми чувствами людей других стран. Каждый из нас сейчас отвечает за целый мир. Ручаюсь, месть, злоба тут не помогут. Не к мести зовут белые журавли. Мы и так много крови пролили, мстя за прошлое. И ничего

час цветы у памятников белым журавлям и в Саратове, и в Чернигове, и в Осетии, и в Дагестане.

Я с пониманием отношусь, когда на Дальнем Востоке наш Президент возлагал цветы у кладбища японских солдат, попавших к нам в плен и погибших у нас. Одобрю то, что сделал Президент России. Будучи в Праге, он возложил на Вроцлавской площади, на месте самосожжения чешского юноши, цветы. Юноша совершил этот поступок в знак протеста против вторжения наших танков в 1968 году в Чехословакию. Этим мы омрачили чувства благодарности, которые испытывали к нам народы Европы в 1945 году. ...Мои белые журавли горюют по жертвам и той «незнаменитой войны» в Финляндии. Я читал имена тысяч погибших на стенах домов и городов Суоми. Но в то же время меня до глубины души оскорбляет, когда оскверняют, разрушают кое-где памятники минувшей войны, когда истинных патриотов и освободителей, получивших признание и благодарность всех народов, называют оккупантами, захватчиками. Мои журавли говорят: «Живые, не трогайте их, не тушите их вечный огонь, помните: они ни в чем не виноваты». Эти факты вандализма, откуда бы ни исходили, никому не делают чести. Мы нарушаем этим тысячелетние гуманные традиции душевных взаимосвязей мертвых и живых. Особенно больно, когда оскверняют могильные памятники простым, неизвестным солдатам, по которым пролились горестные слезы наши матери.

За стол переговоров между республиками, народами, нациями надо позвать «Белых журавлей». Они принадлежат всем нациям, религиям, странам, всему миру. В отношении них у людей не должно быть разногласия.

Как-то во время афганских событий я сидел в кругу друзей в Москве в ресторане. Ко мне приносит записку от незнакомых

людей с другого стола. Они пишут, не собираюсь ли я написать «Белые журавли» о наших погибших парнях в войне на афганской земле. Я сказал им, что мои «Журавли» являются и о них, хотя она была написана раньше, что их имена звучат в голостах моих птиц. Да, белые журавли летят по всем континентам, зовут имена погибших. И у нас в республиках, и в Азербайджане, и в Армении, и в Грузии, и в Литве, и в Фергане, и в Ливане, и в Палестине, и в Чили, и в Никарагуа, и в Анголе, и в Кувейте, и в Ираке, и в Иране — во всех странах.

Но это не значит, что «Журавли» уже не останутся песней, посвященной погибшим на полях Отечественной войны. Но в журавлином клине есть промежуток малый для каждого из нас.

Лет пятнадцать тому назад по мотивам «Белых журавлей» была создана документальная кинокартина. Снимали и меня как автора стиха. Я задумчиво побродил среди старых могильных камней в древнем Дербенте, которые видели нашествие многих завоевателей, где погребены воины многих веков и многих государств. Я поднялся в окрестности высокогорного Гуниба, где покоится прах русских солдат, воинов Апшеронского полка, а рядом кладбищенские могилы шамилевских мюридов. Где рядом русские березы и дагестанские пальмы. На одной из вершин воздвигнут величественный памятник белым журавлям, где дагестанцы вместе с многочисленными гостями отмечают день памяти погибших на полях Отечественной войны. Помню, в первые годы праздника начался исполнением Яном Френкелем своей музыки. Потом песню исполнял на аварском языке певец Магомед Омаров, на кумыском — поэт Вадрудин Магомедов... Но сейчас я хочу сказать не об этом. Когда было обсуждение картины «Белые журавли», бывалые воины, участники Отечественной войны, недоумевали, увидев меня в лесу могильных памятников воинов прошлых веков. Ведь идеи в мотивы песни связаны с Великой Отечественной войной. Я был согласен с их вапоминанием и утверждениями. Но в то же время не вижу причин, чтобы не отнестись их всех к жертвам войны всех времен. У каждого свое восприятие. Каждый по-своему слышит их зов: могильные памятники древних времен — не помеха звучанию современных песен. О чем же они, солдаты, превратившиеся в белых журавлей, говорили перед смертью последний раз? Наверное, один из них говорил «мама», другие «папа», третьи «сын-вья», «дочери», «любимая», «друг», «Родина», «жизнь». Они окликали, наверное, любимые имена и дорогие места.

Они до сей поры с времен тех дальних Летят и подают вам голоса.

И мы, глядя в небеса, слышим их: «Берегите матерей», «Берегите детей», «Берегите друзей», «Берегите любовь, дружбу, мир», «Берегите жизнь на земле». Они горят о подвигах, о славе, о любви, о бурных днях Кавказа, о том, как красива Земля и на ней человек, о чудном мгновенье, о самом заветном, дорогом. Они говорят в лихорадке событий: мы не забыли о них, ибо это поможет нам избежать вражды, отчужденности, озлобленности на земле. Они спрашивают нас, живущих на земле: «Неужели война не имеет отпуска? Неужели кровопролитие на планете нельзя остановить хотя бы на один день?»

Этот вопрос волнует многих. Поэтому во многих регионах нашей страны отмечают день памяти, в частности день белых журавлей. На моей родине создан фонд «Белых журавлей». Ко мне обращаются люди с предложениями об издании сборника песен в память погибших воинов, о выпуске плакатов, открыток и др.

Поскольку по своей значимости этот вопрос касается всех стран, я обратился с письмом к генеральному директору ЮНЕСКО господину Федерико Майору с предложением учредить на планете День памяти, День уважения к жизни. Если в этот день выстрелить в подобный себе, пусть его соотечественники и все люди планеты нажмут своим бесконечным презрением. Мой призыв был услышан и поддержан. Об этом писал мне господин Федерико Майор. Я нашел поддержку и у министра иностранных дел Советского Союза Александра Вессмертля. В своем письме он пишет, что МИД СССР окажет в этом необходимую поддержку. Я ко многим деятелям культуры обратился по этому вопросу, и никто не отрицал необходимости этого мероприятия, которому, я думаю, будет суждено стать важным событием нашей жизни.

Теперь надо перейти от слов к конкретному делу. Время сейчас нас действительно зовет.

Редакция газеты «Правда» присоединяется к предложению поэта учредить на планете День памяти, День уважения к жизни. Надеемся, что этот призыв будет услышан международным сообществом.

